

**Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка:
проблемы описания и интерпретации**

Н. В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
nypatr@list.ru*

Т. В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
tvpashkova05@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается вопрос о составе и классификации частиц в карельском языке. Особое внимание уделяется интерпретации понятия «частица» в грамматиках карельского языка, проблеме классификации частиц и их происхождению.

Цель: комплексное исследование функционально-семантических разрядов частиц в ливвиковском наречии карельского языка.

Материалы исследования: частицы в ливвиковском наречии карельского языка, диалектные словари.

Результаты и научная новизна. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени комплексного разноаспектного исследования данной части речи на материале карельского языка не проводилось. Предлагаемая авторами статьи классификация существенно расширяет отражённый в известных грамматиках карельского языка состав частиц и охватывает группы как словообразовательных частиц, акцентирующих внимание говорящего на коммуникативной цели и реме высказывания, так и формообразующих частиц, вносящих изменения в объективно-модальное значение предиката. Выделяются девять функционально-семантических разрядов частиц: вопросительные, повелительные, эмоциональные, утвердительные, отрицательные, усилительные, ограничительные, модальные, неопределённые. По расположению по отношению к акцентируемому слову частицы подразделяются на препозитивные и постпозитивные. Подчёркивается дискуссионный характер таксономии частиц, а также сама проблематичность разграничения аффиксальных формантов, с одной стороны, и служебных слов – с другой, в связи с орфографической нормой слитного написания пре- и постпозитивных частиц в карельском языке. С точки зрения происхождения большинство частиц карельского языка носят исконный характер и являются грамматическими омонимами других знаменательных или служебных частей речи; выделяются также частицы – заимствования из финского и русского языков. Частота использования дискурсивных слов, в том числе и частиц, является одним из типологических (таксономических) критериев, позволяющих сопоставлять разные языки и региональные варианты, а также функциональные стили в рамках одного языка. Частицы как слова модусно-прагматические ярко иллюстрируют особенности этнической картины мира, отражённой в языке, и потому являются богатейшим материалом для антропологических, в том числе логико-семантических, когнитивных, коммуникативных, психолингвистических и лингвокультурологических исследований.

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, русский язык, частицы, классификация, морфология, рематизация высказывания.

Благодарности: Выражаем благодарность Петрозаводскому государственному университету.

Для цитирования: Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: проблемы описания и интерпретации // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 680–688.

**Particle system in the Livvik dialect of the Karelian language:
problems of description and interpretation**

N. V. Patroeva

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
nypatr@list.ru*

T. V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tvpashkova05@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the question of the composition and classification of particles in the Karelian language. Particular attention is paid to the interpretation of the concept of “particle” in grammars of the Karelian language, the problem of classification of particles and their origin.

Objective: a comprehensive description of the particles functioning in the Livvik dialect of the Karelian language.

Research materials: particles in the Livvik dialect of the Karelian language.

Results and novelty of the research: the novelty of the research lies in the fact that up to the present time, no complex multidimensional research of this part of speech on the material of the Karelian language has been carried out. The classification proposed by the authors of the article significantly expands the composition of particles reflected in the well-known grammars of the Karelian language and encompasses groups of both word-forming particles that focus the speaker’s attention on the communicative goal and rheme of the utterance, and form-building particles that make changes in the objective-modal meaning of the predicate.

There are nine functional-semantic categories of particles: interrogative, imperative, emotional, affirmative, negative, emphatic, restrictive, modal, and indefinite. Particles are subdivided into prepositive and postpositive according to their location in relation to the accented word. The controversial nature of the taxonomy of particles is emphasized, as well as the problematic differentiation of affixal formants, on the one hand, and function words, on the other, in connection with the spelling norm of the fused spelling of pre- and postpositive particles in the Karelian language.

From the point of view of origin, most of the particles of the Karelian language are original in nature and are grammatical homonyms of other significant or content or function words; there are also particles borrowing from the Finnish and Russian languages. The frequency of the use of discourse words, including particles, is one of the typological (taxonomic) criteria that make it possible to compare different languages and regional variants, as well as functional styles within one language. Particles as modus-pragmatic words clearly illustrate the features of the ethnic picture of the world reflected in the language, and therefore they are the richest material for anthropological research, including logical-semantic, cognitive, communicative, psycholinguistic and linguoculturological ones.

Key words: Karelian language, Livvik dialect, Russian language, particles, classification, morphology, rhematisation of utterance.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to Petrozavodsk State University.

For citation: Patroeva N. V., Pashkova T. V. Particle system in the Livvik dialect of the Karelian language: problems of description and interpretation // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies.* 2021; 11 (4): 680–688.

Введение

Предпринятое исследование представляется актуальным в связи с усилением интереса лингвистов к проблеме частиц в языковых системах разных грамматических типов [10; 22; 31]. В карельском языке частицы в качестве особой морфологической и лексической подсистемы – их функции, семантика, происхождение, написание – ещё не изучены, комплексного и разноаспектного исследования данной части речи на материале диалектов карельского языка до настоящего времени не проводилось, однако некоторые наблюдения над составом и назначением этих служебных слов уже были сделаны на протяжении последних полутора веков развития финно-угроведения.

Одним из первых исследований частиц речи, в их широком понимании – как совокупности служебных слов карельского языка – стала работа 1885 г. «*Tutkimus Aunuksen kielestä*» («Исследование языка олонекских карелов») А. Генеца,

где в разделе «Морфология» указывается отдельная группа *Partikkelit* (фин.) ‘Служебные слова’, к которой отнесены наречия, предлоги, послелоги, союзы и междометия [26, 82–187]. Такая же градация предложена в грамматике Э. Ахтия «*Karjalan kielioppi. Äänne-ja sanaoppi*» (1936) («Грамматика карельского языка. Фонетика и лексикология») в разделе *Partikkelit* (фин.) (‘Служебные слова’) [24, 126–132]. Противопоставление «частей речи» и «частиц речи» в отечественной традиции находим, например, у Н. И. Греча [6, 22–23] (ср. также с позицией Ф. И. Буслаева [3, 318], объединявшего местоименные наречия в один класс «служебных слов», или «частиц речи», наряду с предлогами и союзами – вполне возможным в связи с этим представляется влияние буслаевской классификации на финского языковеда А. Генеца; в работе В. В. Виноградова [4, 544] предлагается тот же термин; А. М. Пешковский пишет о «частичных бесформенных словах» [16, 41–42]).

Эстонский языковед П. Пальмеос в монографии «Karjala valdai murrak» (1962) («Валдайский диалект карельского языка»), включающей разделы по фонетике и морфологии, придерживается точки зрения финляндских исследователей А. Генеца и Э. Ахтия, то есть выделяет группу Partikkelit (фин.) ('Служебные слова'), к которой относит наречия, предлоги, послелого, союзы и междометия [33, 134].

В грамматиках по собственно карельскому наречию карельского языка, подготовленных П. М. Зайковым, выделена группа неизменяемых частей речи, состоящая из наречий, предлогов и послелогов, частиц, союзов, междометий [7, 90–101], однако в следующем издании эта группа называется уже иначе – «Ošittain taipujat ja taipumattomat šanat» («Частично склоняемые и несклоняемые слова») [36, 214–226].

Коллективная монография, представляющая собой сравнительное исследование фонетической и морфологической систем карельского языка, содержит раздел «Неизменяемые части речи», в котором даётся описание наречий, предлогов и послелогов, союзов, частиц и междометий. Все упомянутые части речи, кроме наречий, образуют группу служебных слов [9, 368–405]. Такое же членение содержится в «Грамматике тверского карельского языка» (2020 г.), в которой представлены основные правила и нормы тверского карельского новописьменного языка, развивающегося в Тверской области на базе толмачевских говоров [14, 111–121].

В 1937 г. увидела свет открывающая иную традицию описания карельского морфологического строя «Грамматика карельского языка (Фонетика. Морфология)» Д. В. Бубриха, в которой служебные слова уже отделены от остальных разрядов слов (наречий, местоимений и др.). Исследователь указывает на то, что «...служебные слова классифицировать по значению трудно, ибо они полновесного значения не имеют. Их можно классифицировать только по роду той службы, которую они несут...». Далее Д. В. Бубрих выделяет среди служебных слов, в первую очередь, предлоги и послелого, а также союзы; во-вторых, вычлениваются «...другие служебные слова, например, вопросительные...» и приводится пример: *go* 'ли' (прим. авторов: речь идёт о вопросительной частице) [2, 22–23].

В грамматике карельского языка (1939 г.) Н. А. Анисимов предлагает пять групп служебных частей речи: предлоги и послелого, союзы,

частицы и междометия [1, 154–156]. То же деление находим много позднее в монографии В. Д. Рягоева «Тихвинский говор карельского языка» и в грамматиках ливвиковского наречия карельского языка Л. Ф. Маркиановой (см.: [18, 164–179; 28, 185–197; 29, 87–98; 30, 113–118].

Таким образом, частицы в грамматиках карельского языка описываются в группах неизменяемых служебных частей речи. Специально оговоримся, что отнесение слитно пишущихся частиц не к морфемам (формантам), а к одному из классов дискурсивных слов, естественно, вызывает возражения с точки зрения синхронного, а не диахронического подхода к описанию языковой системы, между тем орфографический критерий, очевидно, не должен являться достаточным основанием для исключения подобных элементов из списка частиц (ср. с давней традицией русских грамматик в отношении *кое-, не-, -то, -либо, -нибудь, -ся*), однако «проблема отдельности слова» (в терминах А. И. Смирницкого [20]) в связи с трактовкой частиц как отдельной части речи, а не особой аффиксальной сферы для агглютинативного грамматического строя, на наш взгляд, остается дискуссионным вопросом применительно к морфологии карельского языка.

Материалы и методы

При проведении исследования по классификации частиц использовались теоретические источники по вопросам синтаксиса в русском [3; 4; 11; 16; 17; 23] и карельском [1; 2; 7; 9; 14; 18; 28; 29; 30; 33; 36] языках. Материалом служат диалектные словари, образцы речи [12; 19; 27].

Исследование выполнено с применением семантического, этимологического и сопоставительно-типологического методов, а также – в качестве основного – метод описания с опорой на данные двуязычных и этимологических словарей (опыт применения подобной методики был адаптирован в статье, посвящённой анализу союзов карельского языка [15]).

Результаты

По агглютинативному способу присоединения к словам, то есть слиянию, частицы-«прилепы» могут быть пре- и постпозитивными (ср. *nikus* 'нигде', *sanelevai* 'расскажи-ка') [9, 397]. Это деление применяется и к частицам русского языка, например, А. А. Шахматовым [23, 693]. В карельском языке частицы присоединяются ко всем самостоятельным частям речи:

Mostu tavarua ei löydyne nikus ‘Такого товара не нашлось нигде’ [28, 193]. Слияние постпозитивных частиц происходит в самом конце слова, после всех грамматических показателей и окончаний (напр., *tulizittogo?* ‘пришли бы ли вы?’, *minulgi* ‘и у меня’).

Частицы способны выполнять различные функции в содержащем их высказывании. В. Д. Рягоев указывает на то, что в диалектах карельского языка собственно карельского, ливвиковского и людиковского наречий есть словообразующие и формообразующие частицы [18, 60–61]. Словообразующие участвуют, например, в образовании отрицательных и неопределённых местоимений и наречий: *ni* ‘ни’, *koje* ‘кое-’, *kuda* ‘кое-’, *tahto* ‘-нибудь’, *liennöy* ‘-то’ и др. Формообразующие частицы добавляют «глагольным формам наклонения оттенки предположительности, модальности, темпоральности, приказания...» [18, 61]: *nukka* ‘давай’, *davai* ‘давай’, *-s* ‘-ка’, *vai* ‘-ка’, *anna* ‘пусть’ и др.

Наряду со слово- и формообразовательной миссией, частицы выполняют важные смысло-различительные, коммуникативные и экспрессивные функции, выступая в качестве модальных элементов – рематизаторов, актуализаторов и уточнителей смысла отдельных компонентов высказывания. В нормативных грамматиках карельского языка частицы определены как «... *pättiehien kaldaine abusana, kudai ližiäy sanoih libo virkehieh erilazii merkičysvivahtuksii*» ‘...подобное окончаниям вспомогательное слово, которое добавляет словам и предложениям различные оттенки значений’ [28, 192; 29, 95]. Размытость и конситуативная обусловленность семантики частиц [13], отсутствие инвариантного значения, затрудняют создание немодификационного, закрытого списка «частичных» слов и их значений, однако это обстоятельство не свидетельствует о невозможности подобной процедуры хотя бы для наиболее активно используемой носителями языка или диалекта дискурсивной сферы, образуемой в том числе и частицами.

Согласно функционально-семантическому критерию в ливвиковском наречии карельского языка можно выделить следующие группы частиц¹:

1) вопросительные, со значениями удивления, недоумения, сомнения: *-go* ‘ли’, *-bo* ‘же’, *n’eušto* ‘неужели’ – иногда их относят и к разряду модальных, выражающих отношение говорящего к своему высказыванию [9, 401], *aboku* ‘[ну] а если’, *aku* ‘[ну] а если’, *hah / ha* ‘а, что’, *ili* ‘или, разве, неужели’ (напр., *Aboku ollou veräil lukku?* (Коткозеро) ‘Ну а если на дверях замок?’ [19, 15]; *Miikulgo olet?* (Коткозеро) ‘Ты ли, Николай?’ (букв. ‘Николай ли ты?’) [12, 156]; *Kuibo jän lapsen kel’ jyvättäh?* (Виллала) ‘Как же я с детьми останусь без хлеба?’ [12, 161]; *Kuibo rešiit zaduačan, hah?* (Вагвозеро) ‘Как ты решил задачу, а?’ [19, 55]; *Ili pahem tuidu elämmö?* (Коткозеро) ‘Или мы хуже других живём?’ [19, 93]). Частицы *-go* ‘ли’, *-bo* ‘же’ пишутся слитно, *n’eušto* ‘неужели’, *aboku* ‘[ну] а если’, *aku* ‘[ну] а если’, *hah / ha* ‘а, что’, *ili* ‘или, разве, неужели’ – раздельно.

2) Повелительные (императивные): *-s* ‘-ка’, *-vai* ‘-ка’, *na* ‘на, бери’ (напр., *Muatuškah sanou: «vuatas minä kačon!»* (Наннулица) ‘Свекровь говорит: «Погоди-ка, я посмотрю!»’ [12, 88], *Sanovai oigieh!* ‘Скажи-ка правильно!’ [29, 96]; *Na, pane kormanih* (Коткозеро) ‘На, убери в карман’ [19, 221]). Частицы *-s* ‘-ка’, *-vai* ‘-ка’ пишутся слитно, *na* ‘на, бери’ – раздельно.

3) Эмоциональные (восклицательные): *toinah* ‘ну и’, *ažno* ‘аж, даже’, *agu / aku* ‘а как’, *d’o / jo* ‘ну и, уж и, уж, и’ (напр., *Toinah puutui kyl’l’äi!* ‘Ну и здорово же попало!’ [19, 382]; *Jo pidäy olla rahvahal: yösijah ei laskieta!* (Коткозеро) ‘Ну и народ пошел, ночевать не пускают!’; *Olejo hänes päivil’l’eh ga!* (Коткозеро) ‘Отстань уж ты от него!’). За исключением частицы *jo*, которая может иметь слитное и раздельное написание, частицы этой группы пишутся раздельно.

4) Модальные, выражающие оттенки предположительного уподобления, неуверенности и желательности, часто в сопровождении восклицательной или вопросительной интонации: *ku* ‘как будто, словно’, *rouno* ‘словно, будто’, *ažnogu* ‘вроде, как будто’, *buiteku* ‘как будто’, *buite / buito / buitto* ‘будто, неужели, разве’, *gei / kei* ‘только бы не’, *aboku* ‘лишь, только’, *abuvai / abovai* ‘лишь, только’, *vaiku* ‘только, лишь’ (*Šuajun juoduu rodih ku parembaine* ‘Выпив чаю, становится как будто лучше’; *Vaiku kai menis hyvin*

¹ В русской морфологии вопрос о функциональной классификации частиц также остаётся дискуссионным [11, 67]: так, например, В. В. Виноградовым выделяется восемь групп [4, 546–553], академическая «Русская грамматика» вычленяет шесть групп частиц в зависимости от их функции [17, 725–729], М. А. Теленкова предлагает четыре типа частиц [21, 350–352].

‘Только бы всё было хорошо’; *Rouno kuulutah vähäzel kellot* ‘Как будто слышатся немного колокола’ [29, 97]). Для частиц этого разряда характерно раздельное написание.

К модальным можно отнести и частицу *la* ‘мол, де, дескать, пожалуй’ (напр., *Tullougo la häi tänäpäi kodih?* (Коткозеро) ‘Придёт ли он, мол, сегодня домой?’; *Turkittah roih la vilu* (Коткозеро) ‘Без шубы, пожалуй, будет холодно’ [19, 175]), выражающую как предположение, так и ссылку на чужое слово.

5) Усилительные, сопровождающие разные в эмоциональном и прагматическом аспекте высказывания: *-gi* ‘и, тоже’, *-häi* ‘же, ведь’, *-že* ‘же’, *ved’*, *vet* ‘ведь’, *sit* ‘же’, *jo* ‘ну и, уж и, уж, и’, *ga / ka* ‘да, так, ну, вот, вот и’, *gu / ku* ‘вот’, *ni* ‘ну, но’, *muga* ‘[просто] так, да, так, не так ли’, *nygöi* ‘-ка, вот, ну и’, *vai* ‘только, лишь’, *d’oi / joi* ‘[уж] и’, *hos / hoš / hoz / hot / hot* ‘по крайней мере, хотя бы, хоть’ (напр., *Minägi silloi jäin hengih, a muite oli kaikkie!* (Коткозеро) ‘И я тогда остался жив, а всего было!’ [12, 153]; *Minähäi sanoin* (Коткозеро) ‘Я ведь сказал’ [19, 84]; *Vai mečču kajžou, ku rajatetah* (Коткозеро) ‘Только лес гудит, когда [девушки] поют’ [19, 411]; *Muga midäbo olet atkalas?* (Коткозеро) ‘Так ты что сидишь печальный?’ [19, 211]. Относительно частицы *-gi* ‘и, тоже’ Н. М. Гилоева в своей диссертации, посвящённой исследованию вопросительных, неопределённых и обобщительно-определяющих местоимений в диалектах карельского языка использует термин «усилительно-выделительные» [5, 63]. Большинство частиц этой группы (*ved’*, *vet* ‘ведь’, *sit* ‘же’, *gu / ku* ‘вот’ и др.) пишутся раздельно. Частицы *-gi* ‘и, тоже’, *-häi* ‘же, ведь’, *-že* ‘же’ пишутся слитно.

6) Ограничительные: *vaiku* ‘только, лишь’, *yksi* ‘только, только один’ (напр., *Vaiku tuli kačahlih dai järilleh punaldih* (Коткозеро) ‘Только он пришёл, посмотрел и повернулся обратно’ [19, 412]; *Täs pidäy viärrittä yhty sinuu* ‘Здесь нужно обвинить только тебя’ [29, 97].

7) Утвердительные: *-da* ‘да’ [9, 401] (*Lähtettögo kodih?* – «Да!») (Рыпушкалица) ‘Пойдёте ли вы домой? – «Да!»’ [19, 41]. Эта частица является многозначной и может выражать также оттенки присоединения, сомнения, иронии: *da* ‘кстати, вот ещё, как бы не так, разве, неужели’ (напр., *Da, čut en unohtannuh sanuo* (Коткозеро) ‘Кстати, чуть не забыл сказать’; «*Tulen tänäpäi*» – «Да, тulet!») (Коткозеро) ‘«Я приду сегодня» – «Как же, придёшь ты!»»; «*Muamas on jo koiš!*»

– «Да?») (Коткозеро) ‘«Твоя мать уже дома!» – «Неужели?»’ [19, 41]. Частица *-da* ‘да’ пишется раздельно.

8) Отрицательные: *-ni* ‘ни’ (напр., *Ni yhty hengie eulluh* (Коткозеро) ‘*Hu* одного человека не было’ [19, 227]; *Sit kyläs niken ei pagize ven’akse, kaikin paistah karjalakse* ‘В этой деревне никто не говорит по-русски, все говорят по-карельски’ [30, 193]). Отрицательная частица *-ni* часто используется в качестве препозитивной и пишется как слитно, так и раздельно с главным словом: со всеми отрицательными местоимениями и наречиями – слитное написание, в остальных случаях – раздельное написание [29, 96].

9) Неопределённые: *-gi* ‘-то, -нибудь’ [5, 65–80] (*Sih kohtah joga vuottu vedehiäne painau kenengi* (Рыпушкалица) ‘В том месте каждый год водяной кого-нибудь топит’ [19, 251]); *-go*, *-lien(n)öy*, *-ollou*, *-olloo*, *-to* ‘-то’ (*Kondii kedägo (nagrehii) syöy, kedägo nyhtiy* (Коткозеро) ‘Медведь какие-то (репы) ест, какие-то выдёргивает’ [19, 132]; *-tahto*, *-tah*, *-(ni)buiten*, *-nibut* ‘-нибудь’ (*Olgah mittuinetahto kodi, vai oliš lämmin* (Коткозеро) ‘Пусть будет какой-нибудь / какой угодно дом, лишь бы было тепло’ [19, 208] (ср. (вепс.) *ken-ni* ‘кто-нибудь’, *mini* ‘что-нибудь’, *mit’t’eni* ‘какой-нибудь’, *kudam-ni* ‘который-нибудь’ [8, 172]; *libo* ‘-либо’ (напр., *Kunne libo l’ähtemmö* (Коткозеро) ‘Куда-либо пойдём’ [19, 184]). В связи с тем, что карельскому языку, как и другим прибалтийско-финским языкам, не свойственна префиксация, то и среди препозитивных неопределённых частиц в диалектах ливвиковского наречия встречается только *kuda-* ‘кое-’ (*Varustiin kudamidä evähäkse ottua* (Коткозеро) ‘Я кое-что из харчей приготовил взять с собой’ [19, 160]). Поскольку долгое время в карельском языке отсутствовали устойчивые письменные традиции, правописание неопределённых частиц разнится в тех или иных источниках речевого материала: так, в современных грамматиках все аффиксальные и префиксальные частицы пишутся слитно со словом, к которому они присоединяются, однако в диалектных словарях и образцах карельской речи встречаются три способа написания: дефисное (напр., *mi-tahto* ‘что-нибудь’), раздельное (напр., *mi tahto* ‘что-нибудь’) и слитное (напр., *mitahto* ‘что-нибудь’) [5, 92].

Частота использования дискурсивных слов, в том числе и частиц, является одним из типологических (таксономических) критериев, позволяющих сопоставлять разные языки и региональные

варианты, а также функциональные стили в рамках одного языка (как известно, многие древние языки уже отличались обилием частиц, а со временем класс частиц ещё более расширился в связи с развитием категорий модальности, определённости / неопределённости и пр., обогащением средств рематизации высказывания).

По происхождению частицы могут восходить к местоимениям, именам, глаголам, наречиям, союзам, то есть представлять результат лексико-грамматической переходности (транспозиции), а также являться русскими или финскими заимствованиями [9, 397].

Так, в карельском языке, как и в русском, различные знаменательные и незнаменательные лексемы часто выступают в качестве частиц [29, 97], то есть наблюдается функциональная омонимия:

– наречия и частицы: *sie* ‘там’, *täs* ‘здесь’, *jo* ‘уже’, *d’oi / joi* ‘[уж] и’, *muga* ‘так, таким образом, настолько’, *nygöi* ‘теперь, сейчас’, *vai* ‘только, лишь’ (напр., *Jo nygöi hyö ollah loitton* (Коткозеро) ‘Уже теперь они далеко’ [19, 103]; *D’oi täys* (Коткозеро) ‘Уже и наполнился’ [19, 43]; *Rua muga, kui nevvottih* (Коткозеро) ‘Сделай так, как учили’ [19, 211]; *Nygöi on rahvahal huvä eliä* (Коткозеро) ‘Теперь народу хорошо жить’ [19, 236]);

– союза и частицы: *ku* ‘как будто, словно’, *rounu / roupoku* ‘словно, будто’, *aboku* ‘если’, *hos / hoš / hoz / hot / hot’* ‘по крайней мере, хотя бы, хоть’, *ili* ‘или, либо’, *libo* ‘или, либо’ (напр., *Aboku sinä et tule, mina yksin l’ähten linnah* (Мегрега) ‘Если ты не придёшь, я один пойду в город’ [19, 15]; *Čakkua ili midätahto rua, olen viäry* (Коткозеро) ‘Ругай меня или что угодно делай, я виноват’; *Libo minul libo sinul pidäy l’ähtie* (Коткозеро) ‘Или мне или тебе надо пойти’ [19, 93]);

– числительного и частицы: *yksi* ‘один’ (напр., *Muarjas oliin vai yhten libo kaksi kierdua* (Коткозеро) ‘По ягоды я ходил только один или два раза’ [19, 448]);

– глагола и частицы: *näi / näit / näid* ‘видишь’, *kačo* ‘смотри’ (напр., *Ohotale en kävy...a zvierii, kačo, on* (Филипповская) ‘На охоту не хожу...а звери, смотри, водятся’); *Iče näid ei tulluh, a työndi vierahii myö* (Коткозеро) ‘Сам он, видишь, не пришёл, а послал с чужими’; *Nu mina näi olen yksinäine emändy, en piäze* (Коткозеро) ‘Но я, видишь, одинокая хозяйка, мне некогда (букв. я не попаду / не выберусь)’ [19, 238]).

По мнению финляндского исследователя Х. Оянсуу, частицы *-gi* ‘и’ (фонетическая вариация *-ki*) и образуемые с ними неопределённые

местоимения являются достаточно древними и восходят к финно-пермскому языку-основе [32, 102].

Частица *-tahto* ‘-нибудь’ происходит от глагола *tahtuo* ‘хотеть, желать’ (основа глагола: *tahto-*). *-tah* – усечённая форма от частицы *-tahto*. Вероятно, изначально использовалась в словосочетаниях типа *ota kudaman tahtot* ‘возьми какую ты хочешь’. Далее произошло выпадение личного окончания глагола 2-го лица единственного числа *-t*: *ota kudaman tahtot* > *ota kudaitahto* > *ota kudaitah* [5, 65]. П. Алвре считал, что частицы, образованные от глагола со значением ‘хотеть, желать’, были уже в праязыке (ср. (фин.) *tahtoa* ‘хотеть, желать’ → *tahansa: kuka tahansa* ‘кто-нибудь, кто угодно’, *mikä tahansa* ‘что-нибудь, что угодно’; (вепс.) *tahtoida* ‘хотеть, желать’ → *taht: miš tahansa* ‘что-нибудь, что угодно’; (эст.) *tahad* ‘хотеть, желать’ → *tahes: kes tahes* ‘кто-нибудь, кто угодно’, *mis tahes* ‘что-нибудь, что угодно’ [25, 16].

Частицы *-lien(n)öy* ‘-то’; *-ollou, -olloo* ‘-то’ являются формами 3-го лица единственного числа глагола *olla* ‘быть, являться’ возможностного наклонения.

Частица *kuda-* ‘кое-’ является формой партиципа единственного числа от определённого местоимения *ku* ‘какой’.

Некоторые частицы состоят из нескольких других, например: *abuvai / abovai* ‘лишь, только’ < от *a+bo+vai* [19, 15], *agu / aku* ‘[ну] а если’ < от *a + gu / ku* [19, 19], *d’oi / joi* ‘[уж] и’ < от *d’o / jo + i* [19, 43], *ka* ‘да, так, ну, вот, вот и’ < от *kačo* [19, 52], *gei / kei* ‘только бы не’ < от *gu / ku + ei* [19, 52], *aboku* ‘лишь, только’ < от *a + bo + ku*, *muga* ‘[просто] так, да, так, не так ли’ < от *tu + ga* [34, II, 175].

К заимствованиям из русского относятся *n’eušto* ‘неужели’ < от русск. прост. *неужто*, *to* ‘-то’ < от русск. *то*; *-(ni)buiten, -nibut* ‘-нибудь’ < от русск. *нибудь*; *-ni, -nih* ‘-то, -нибудь’ < от русск. *ни, -нибудь, koje* ‘кое-’ < от русск. *кое, davai* ‘давай’ < от русск. *давай, -že* ‘же’ < от русск. *же, ni* ‘ни’ < от русск. *ни; ažno* ‘аж, даже’ < от русск. прост. *ажно, buite / buito / buitto* ‘будто, неужели, разве’ < от русск. *будто, -da* ‘да’ < от русск. *да, hah / ha* ‘а, что’ < от русск. *а, ili* ‘или, разве, неужели’ < от русск. *или, hos / hoš / hoz / hot / hot’* ‘по крайней мере, хотя бы, хоть’ < от русск. *хоть, libo* ‘-либо’ < от русск. *либо, na* ‘на, бери’ < от русск. *на, nu* ‘ну, но’ < от русск. *ну, ved’, vet* ‘ведь’ < от русск. *ведь*.

Частицы *ehki / ehkin / ehkoi*, вероятно, являются производными от *ehkä* (фин.), которая

образована от отрицательного глагола *e-* и окончания *-hkä* (ср. *-hko / hkö*) [34, I, 100].

Частицы *häi*, *ku* (*gu* – фонетическая вариация), *jo* (*d'o* – фонетическая вариация), *nygöi* являются исконно прибалтийско-финскими (ср. вепс. *ku*, кар. *ku*, лив. *ku*, саам. *ku*, эст. *ku*) [34, I, 208, 238; 34, II, 246; 35, 230].

Обсуждение и заключение

Итак, в диалектах ливвиковского наречия карельского языка вполне отчетливо выделяются девять функционально-семантических разрядов частиц: вопросительные, повелительные, эмоциональные, утвердительные, отрицательные, усилительные, ограничительные, модальные,

неопределённые. По расположению по отношению к акцентуемому слову данные частицы выступают как пре- и постпозитивные. По происхождению большинство частиц карельского языка носят исконный характер, являясь грамматическими омонимами других знаменательных или служебных частей речи; встречаются также частицы, заимствованные из финского и русского языков.

В карельском языке, и прежде всего в устно-диалектных его разновидностях (региональных языковых вариантах), состав частиц демонстрирует количественную и качественную широту, способность к функционально-семантической многозначности.

Список сокращений

вепс. – вепсский язык, кар. – карельский язык, лив. – ливский язык, саам. – саамский язык, фин. – финский язык, эст. – эстонский язык.

Список источников и литературы

1. Анисимов А. Н. Карельской киэлен грамматика. Фонетика и морфология. Петрозаводск: Карельское гос. изд-во, 1939. 166 с.
2. Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (Фонетика, морфология). Петрозаводск: Издание КарНИИ Культуры, 1937. 138 с.
3. Буслев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1958. 624 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
5. Гилоева Н. М. Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определяющие местоимения в диалектах карельского языка: дисс. канд. н. Петрозаводск, 2003. 148 с.
6. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб.: В типографии издателя, 1834. 526 с.
7. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
8. Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка. Л.: Наука, 1981. 361 с.
9. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
10. Кокурина И. В., Ополовникова М. В. Логическая частица *schon* как маркер нарушения динамического фрейма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 3 (12). С. 17-20.
11. Колесникова С. М. Частицы как часть речи (К вопросу о значении и разрядах частиц по строению и функциям) // Русский язык в школе. Лингвистические заметки. 2012. № 7. С. 65–72.
12. Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л.: Наука, 1969. 279 с.
13. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. М.: Наука, 1985. 169 с.
14. Новак И. Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
15. Пагроева Н. В., Пашкова Т. В. К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 517–525.
16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 2001. 512 с.
17. Русская грамматика: в 2-х томах / ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
18. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
19. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
20. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 182–203.
21. Современный русский язык / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Наука, 1995. 558 с.
22. Токарчук И. Н., Ерышева А. Ю. Частица *уже* и способы её перевода на вьетнамский язык // Научный диалог. 2020. № 1. С. 192–210.
23. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Флинта, Наука, 2014. 720 с.
24. Ahtia E. V. Karjalan kielioppi. Äänne- ja sanaoppi. Suojärvi: Karjalan kansalaisseura, 1936. 144 s.
25. Alvre P. Läänemeresoome pronoomenite tüpoloogiat // Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению. 13. Tartu: Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 1975. Pp. 5–20.

26. Genets A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Kielennäytteitä, sanakirja ja kielioppi. Helsinki: SKST, 1885. 194 p.
27. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 1983. III. 584 p.
28. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 p.
29. Markianova L. Livvin murdehen morfologii. Nominat da abusanat. Petroskoi: PetrGU, 1993. 100 p.
30. Markianova L. Opastummo karjalakse: Lagemistu aiguzile / L. Markianova, A. Mensonen. Kopijyvä: Karjalan Sivistsyseura, 2007. 230 p.
31. Markova E. A. Particle – a small lexical unit or an endless scientific project // Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. T. 16. № 1. C. 84–94.
32. Ojansuu H. Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia. Turku: Turun yliopisto, 1922. 145 p.
33. Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn: ENSV TA, 1962. 226 p.
34. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS. I, 1992. 487 p.; II, 1995. 470 p.; III, 2000. 492 p.
35. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SKS, 1994. II. Pp. 205–480 p.
36. Zaikov P. Vienan karjalan kielioppi. Helsinki: Karjalan Sivistsyseura, 2013. 284 p.

References

1. Anisimov A. N. *Karel'skoyn kielen grammatika. Fonetika i morfologiya* [Karelian kielen grammar. Phonetics and morphology]. Petrozavodsk: Karel'skoe gos. izd-tvo Publ., 1939. 166 p. (In Russian, Karelian)
2. Bubrikh D. V. *Grammatika karel'skogo yazyka (Fonetika, morfologiya)* [Karelian grammar (Phonetics, morphology)]. Petrozavodsk: Izdanie KarNII Kul'tury Publ., 1937. 138 p. (In Russian, Karelian)
3. Buslayev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 624 p. (In Russian)
4. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine about a word)]. Moscow: Vyssh. Shk. Publ., 1986. 640 p. (In Russian)
5. Giloeva N. M. *Voprositel'nyye, neopredelennyye i obobshchitel'no-opredelitel'nyye mestoimeniya v dialektakh karel'skogo yazyka* [Interrogative, indefinite and general-definitive pronouns in dialects of the Karelian language]. Petrozavodsk, 2003. 148 p. (In Russian)
6. Grech N. I. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [Practical Russian grammar]. Saint-Petersburg: V tipografii izdatelya Publ., 1834. 526 p. (In Russian)
7. Zaykov P. M. *Grammatika karel'skogo yazyka* [Karelian grammar]. Petrozavodsk: Periodica Publ., 1999. 120 p. (In Russian)
8. Zaytseva M. I. *Grammatika vepsskogo yazyka* [Grammar of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 361 p. (In Russian)
9. *Karel'skiy yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noye issledovaniye foneticheskoy i morfologicheskoy sistem* [Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems]. I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2019. 479 p. (In Russian)
10. Kokurina I. V., Opolovnikova M. V. *Logicheskaya chastitsa schon kak marker narusheniya dinamicheskogo freyma* [Logical particle schon as a marker of dynamic frame violation]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], 2019, no. 3 (12), pp. 17–20. (In Russian)
11. Kolesnikova S. M. *Chastitsy kak chast' rechi (K voprosu o znachenii i razryadakh chastits po stroyeniyu i funktsiyam)* [Particles as a part of speech (To the question of the meaning and categories of particles in structure and function)]. *Russkiy yazyk v shkole. Lingvisticheskiye zametki* [Russian language at school. Linguistic notes], 2012, no. 7, pp. 65–72. (In Russian)
12. Makarov G. N., Ryagoev V. D. *Obratzы karel'skoy rechi* [Samples of the Karelian speech]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 279 p. (In Russian, Karelian)
13. Nikolayeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii. Na materiale slavyanskikh yazykov* [Functions of particles in the utterance. Based on the material of the Slavic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 169 p. (In Russian)
14. Novak I. *Grammatika tverskogo karel'skogo yazyka* [Grammar of the Tver Karelian language]. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2020. 177 p. (In Russian, Karelian)
15. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *K voprosu o konnektorakh slozhnogo predlozheniya (na primere livvikovskogo narechiya karel'skogo yazyka)* [To the question of connectors of a complex sentence (on the example of the Livvik dialect of the Karelian language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 3 (10), pp. 517–525. (In Russian)
16. Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 2001. 512 p. (In Russian)
17. *Russkaya grammatika: v 2-kh tomakh* [Russian grammar: in 2 volumes]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol. 1. 783 p. (In Russian)
18. Ryagoev V. D. *Tikhvinskiy govor karel'skogo yazyka* [Tikhvin dialect of the Karelian language]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 287 p. (In Russian, Karelian)
19. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)]. Comp. by G. N. Makarov. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian, Karelian)

20. Smirnitskiy A. I. *K voprosu o slove (problema otdel'nosti slova)* [To the question of the word (the problem of the separate word)]. *Voprosy teorii i istorii yazyka* [Issues of Theory and History of Language]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. pp. 182–203. (In Russian)
21. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. I. B. Golub, D. E. Rosenthal, M. A. Telenkov. Moscow: Nauka Publ., 1995. 558 p. (In Russian)
22. Tokarchuk I. N., Yerysheva A. Yu. *Chastitsa uzhe i sposoby yeye perevoda na v'yetnamskiy yazyk* [Particle *uzhe* 'already' and ways of its translation into the Vietnamese language]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 1, pp. 192–210. (In Russian)
23. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2014. 720 p. (In Russian)
24. Ahtia E. V. *Karjalan kielioppi*. Äänne-ja sanaoppi. Suojärvi: Karjalan kansalaisseura, 1936. 144 p. (In Finnish, Karelian)
25. Alvre P. Läänemeresoome pronoomenite tüpoloogiat. *Fenno-Ugristica*, 1975, no. 13, pp. 5–20. (In Estonian)
26. Genets A. *Tutkimus Aunuksen kielestä. Kielennäytteitä, sanakirja ja kielioppi*. Helsinki: SKST, 1885. 194 p. (In Finnish, Karelian)
27. *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 1983. III. 584 p. (In Finnish, Karelian)
28. Markianova L. *Karjalan kielioppi*. Petroskoi : Periodika, 2002. 296 p. (In Karelian)
29. Markianova L. *Livvin murdehen morfolougii. Nominat da abusanat*. Petroskoi : PetrGU, 1993. 100 p. (In Karelian)
30. Markianova L. *Opastummo karjalakse: Lugemistu aiguzile*. L. Markianova, A. Mensonen. Kопijyvä: Karjalan Sivistysseura, 2007. 230 p. (In Karelian)
31. Markova E. A. Particle – a small lexical unit or an endless scientific project. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2019, no. 16 (1), pp. 84–94. (In English)
32. Ojansuu H. *Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia*. Turku: Turun yliopisto, 1922. 145 p. (In Finnish)
33. Palmeos P. *Karjala Valdai murrak*. Tallinn: ENSV TA, 1962. 226 p. (In Estonian, Karelian)
34. *Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki: SKS, 1992. I. 487 p.; 1995. II. 470 p.; 2000. III. 492 p. (In Finnish)
35. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki: SKS, 1994. II. pp. 205–480. (In Finnish)
36. Zaykov P. *Vienan karjalan kielioppi*. Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 2013. 284 p. (In Finnish, Karelian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Патроева Наталья Викторовна, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор филологических наук.

nvpatr@list.ru

ORCID.org: 0000-0003-3836-6393

Пашкова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор исторических наук.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID.org: 0000-0002-0505-4767

ABOUT THE AUTHORS

Patroeva Natalya Viktorovna, Chair of the Department of Russian Language, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenina st., 33), Doctor of Philological Sciences.

nvpatr@list.ru

ORCID.org: 0000-0003-3836-6393

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Chair of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenina str, 33), Doctor of Historical Sciences.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID.org: 0000-0002-0505-4767